

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-176-188>

УДК 821.161.1

ББК 84

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Э. Ф. Шафранская
г. Москва, г. Смоленск, Россия

© 2023 г. Ш. Р. Кешфидинов
г. Москва, г. Смоленск, Россия

АРАРАТ — ГЛАВНЫЙ ПАТТЕРН АРМЯНСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00339,
URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00339>

Аннотация: Статья посвящена актуальному направлению современного литературоведения — локальным текстам, в частности — армянскому тексту в русской поэзии. Цель представленного исследования — определить круг ассоциативных образов, которые возникают в сознании современного человека вокруг лексемы «Армения». Для этого был проведен опрос респондентов в одной из соцсетей. Сто десять ответов (в основном — представителей академической, интеллектуальной среды, с читательским бэкграундом) подверглись статистическому анализу. Самым распространенным ответом было слово «Арарат». Арарат в вербальной культуре превратился в образ и паттерн армянского текста. Смысловые и функциональные уровни этого образа рассмотрены на материале стихотворений русских поэтов XX–XXI вв. (по алфавиту): М. Амелина, П. Антокольского, В. Брюсова, Ю. Веселовского, А. Гаспари, А. Гитовича, Е. Евтушенко, В. Звягинцевой, Р. Ивнева, В. Инбер, Г. Кубатьяна, И. Лиснянской, О. Мандельштама, М. Матусовского, Б. Слуцкого, Б. Чичибабина. Методологической базой аналитики в представленной статье стали работы исследователей-экспериментаторов В. Налимова и Ж. Дрогалиной по фиксации семантической вселенной, а также Г. Гариповой по метасознанию, отраженному в литературном тексте. Методы исследования — обобщение и систематизация полученных данных, количественный метод, мифопоэтический метод, филологический анализ текста. В итоге авторы статьи говорят о семантическом поле армянского текста, в котором первостепенным выступает паттерн «Арарат» — в индивидуальной и общекультурной картине мира. Материал статьи может служить алгоритмом для работы с другими паттернами армянского текста, информация о которых присутствует в статистических подсчетах.

Ключевые слова: армянский текст в русской поэзии, Арарат, семантическая вселенная.

Информация об авторах:

Элеонора Федоровна Шафранская — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр количественной филологии», Смо-

ленский государственный университет, г. Смоленск, Россия; профессор, департамент филологии, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4462-5710>

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Шевкет Рустемович Кешфидинов — стажер-исследователь НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии», Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия; аспирант, департамент филологии, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3293-3393>

E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

Дата поступления статьи: 17.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 10.10.2022

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Шафранская Э. Ф., Кешфидинов Ш. Р. Арарат — главный паттерн армянского текста в русской поэзии // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 176–188. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-176-188>

Введение

Локальные тексты культуры и литературы — один из распространенных векторов современных гуманитарных исследований. С какой целью движутся ученые в этом направлении? Это междисциплинарное поле, включающее информацию из области культуры, искусств, географии, истории, литературы, этнографии, фольклора и т. д., фиксирует и исследует общность в представлениях людей об отдельных культуuroобразующих — в мировом контексте — локациях. Такие исследования дают возможность представить человеческое сообщество как трансляторов единого метатекста, как носителей единых парадигматических клише культуры.

Метатекст (или метадискурс, метанарратив) описывает любое устоявшееся знание, не только зафиксированное в официальных источниках, но и такое, которое существует устно, выступая как корпус мифологии повседневности, описывающей материальные объекты, духовные и бытовые практики, что равнозначно теории коллективного бессознательного К.Г. Юнга, жидущейся на вербальных и невербальных текстах культуры [15].

Введенный в научный оборот Ж.-Ф. Лиотаром термин постмодернизма *метатекст*, по словам И. П. Ильина, обозначает все те «объяснительные системы», куда входит «религия, история, наука, психология, искусство (иначе говоря, любое “знание”» [5, с. 252]. Семантическая вселенная, или метатекст культуры, «инвариантна к процессам, происходящим в нашем времени, — она остается застывшей в своей неизменности, готовой к многократной повторной реализации в семиотическом мире, и в этом смысле она архетипична» [6, с. 118], — пишут В. Налимов и Ж. Дрогалина.

Наш аналитический интерес к кругу локальных текстов сосредоточен на армянской версии, явленной в русской культуре и литературе, на своде паттернов, которые вкупе и создают армянский текст. Что такое армянский текст русской культуры? Как складываются его паттерны? Отчасти на эти вопросы мы попытались дать ответ в предыдущих статьях, посвященных изучению армянского текста (см.: [11, 12, 13, 14]).

В круг локальных паттернов входят, как мы уже не раз отмечали, черты ландшафта, географические объекты, топонимы, артефакты, гастрономия, исторические события и проч., одновременно они выступают составной частью метакультуры, метатекста — всеобщей семантической вселенной. По мнению исследователей, семантизированное личностное метасознание «детерминирует его нарративные стратегии. В писательском метатексте они проявлены через дискурс языка и “внутренний” культурный текст» [2, с. 78].

Какой из паттернов армянского текста лидирует? Для этого мы провели опрос в одной из социальных сетей [30]. Вопрос к респондентам выглядел так: «напишите одно слово (образ, предмет, вид ландшафта, событие, персона и т. д.), которое приходит на ум, когда вы слышите “Армения”».

Обсуждение

Цель предложенного опроса — выявить наиболее частотные паттерны, бытующие в сознании носителей русского языка и культуры. Учтены ответы 110 респондентов.

Исследователи В. Налимов и Ж. Дрогалина еще в 1984 г. писали о том, что при изучении человека и его культурного сознания «важны не только повторяющиеся проявления состояния сознания и поведения, но и однократные исключительные их проявления, в которых выполняется скрытая, обычно непринимая во внимание часть спектра сознания, хотя зачастую именно она определяет многообразие индивидуального проявления человека» [6, с. 112]. Поэтому мы в нашей статистике учитывали как клишированные ответы, так и индивидуальные (хотя, собственно, выявление ответо-клише — наша главная цель). Все полученные ответы мы распределили по тематическим нишам, расположив их по частотности упоминания. Ниже представлена полученная статистика.

Рельеф и ландшафт (всего — **26**): *Аралат (13), горы (5), камень/туф (3), Севан (3), красная глина (1), гора Масис (1)*.

Персоналии (всего — **18**): *Сарьян (4), Битов (2), Аветик Исаакян (и Лилит как персонаж его поэмы) (2), Мандельштам (2), Уильям Сароян (2), Азнавур (1), Комитас (1), Кубатьян (1), Матевосян (1), Мкртчян (1), Нарекаци (1)*.

Культурные свидетельства и артефакты (всего — **14**): *дудук (4), армянское радио/юмор (3), мелодия/песни (2), узор/орнамент (2), хачкар (2), алфавит (1)*.

Дары природы (всего — **12**): *гранат (8), виноград (2), абрикос (1), лимон (1)*.

Гастрономия/кулинария (всего — **9**): *коньяк (6), долма (1), имам баялди (1), сыр (1)*.

Культурно-исторические топонимы и локусы (всего — **8**): *Эчмиадзин (2), Арзни (1), Гарни (1), Ереван (1), Матенадаран (1), Спитак (1), Цахкадзор (1)*.

Природные стихии (всего — **5**): *солнце (2), вода (1), жара (1), землетрясение (1)*.

Архитектура (всего — **4**): *дом (1), площадь (1), фонтан (1), храм (1)*.

Народ (всего — **4**): *люди/народ (3), варпет (1)*.

История (всего — **3**): *геноцид (2), Аршакуни (1)*.

Персоналии из личной жизни респондентов (всего — **3**): *учитель, коллега, подруга*.

Армянская мифология (всего — **2**): *Анаит (1), Наури (1)*.

Социальные институты (всего — **2**): *семья (1), застолье (1)*.

В 1970-е и на рубеже 1980-х гг. группой советских ученых междисциплинарной направленности проводились эксперименты по созданию вероятностной модели бессознательного с целью воссоздания и описания семантической вселенной, или вербализации архетипической картины мира (см., например, статьи: [6, 7]). В каком-то смысле

проведенный нами опрос перекликается с этими экспериментами, с тем отличием, что нам не надо подвергать своих респондентов никаким внешним воздействиям для введения их в медитативное состояние, так как мы считываем не область бессознательного, а сознание. Полученные нами результаты — не архетипы бессознательного, а ключевые слова армянского текста, своеобразные культурные сигналы, откликающиеся на заданное слово, в нашем случае — Армения. Однако итог, к которому мы приходим, сопоставим с экспериментами над бессознательным. Так, статья группы ученых [7] содержит заключение «от редакции», которое вполне отражает и тот итог, к которому приходим мы: выявленные нами слова-сигналы — это «формы отношения к объективной действительности, которые неосознаваемым образом усваиваются индивидом под влиянием воздействующей на него общественной идеологии и исторически сложившейся культурной среды...» [7, с. 710].

В тексте, выстроенном колонками, мы расположили слова-сигналы по частоте упоминания (и по алфавиту — слова с одинаковым числом ответов) в реакции респондентов:

Арарат (13), а также гора	Аветик Исаакян (2)	абрикос (1)	Комитас (1)
Масис (1) = (14)	(и Лилит как персонаж	Азнавур (1)	красная глина (1)
гранат (8)	его поэмы)	алфавит (1)	Кубатъян (1)
коньяк (6)	Битов (2)	Анаит (1)	лимон (1)
горы (5)	виноград (2)	Арзни (1)	Матевосян (1)
дудук (4)	геноцид (2)	Аршакуни (1)	Матенадаран (1)
Сарьян (4)	Мандельштам (2)	варпет (1)	Мкртчян (1)
армянское радио/юмор (3)	мелодия/песни (2)	вода (1)	Наири (1)
камень/туф (3)	Сароян, Уильям (2)	Гарни (1)	Нарекаци (1)
люди/народ (3)	солнце (2)	долма (1)	площадь (1)
Севан (3)	узор/орнамент (2)	дом (1)	семья (1)
	хачкар (2)	Ереван (1)	Спитак (1)
	Эчмиадзин (2)	жара (1)	сыр (1)
		застолье (1)	фонтан (1)
		землетрясение (1)	храм (1)
		имам баялди (1)	Цахкадзор (1)

Наша задача, вытекающая из цели опроса, — выявить самый частотный ответ, выступающий в армянском тексте в виде паттерна.

Арарат стал словом-«победителем». Совпадает с ответом наших респондентов и модель армянского текста, выведенная писателем Андреем Битовым: «Город? Ереван. Озеро? Севан. Гора? Арарат» [18, с. 196].

С одной стороны, перед нами некий парадокс: на вопрос об ассоциации с Арменией мы получили в ответ название горы, которая находится вне пределов границ Армении, с другой стороны — таков устойчивый паттерн культуры.

Далее мы будем рассматривать *Арарат* как образ, мотив, паттерн не вообще в литературе, а в поэзии.

В связи с этим напрашивается вопрос: откуда приходят в поэзию паттерны локальных текстов? Можно ответить с налетом метафизичности — из семантической вселенной, так как «сама культура содержит не только сознательное, но и бессознательное, оттесненное в ее подполье» [6, с. 116], а можно более реалистично — скорее всего из прозаических нарративов разных жанровых видов и форм¹.

¹ Отчасти паттерн *Арарат* в русской прозе рассмотрен нами здесь: [11].

Первотекст, где упоминается Арарат, — Библия: три раза как страна, один раз как гора, «именно с этим местом связывает Библия как рай земной, так и возобновление жизни на земле после потопа» [9, с. 11], — пишет Н. Тер-Григорян-Демьянюк в своих библейско-лингвистических наблюдениях. Осип Манделъштам писал о рожденном в нем шестом — «араратском» чувстве «притяжения горой» [27, т. 2, с. 127].

Арарат предстает перед русскими поэтами сквозь дымку и туман — что стало клишированным образом армянского текста:

- у Г. Кубатьяна — «и даль Араратской долины / затянет ватин тополиный» [25, с. 44] — неожиданная ветвь скрытых сравнений: тополиного пуха с ватином, и все вместе с туманом;
- у В. Инбер — «Мы подъезжали к городу. Из тьмы / Рождалось утро. В дымке синеватой / Затрепетало серебро — и мы / Увидели громаду Арарата» [20, с. 56];
- у В. Брюсова — «Овеян ласковым закатом / И сизым облаком повит...» [19, с. 241];
- у В. Звягинцевой — «С балкона был виден седой Арарат, / Туманный и зыбкий, как вечность» [24, с. 22].

«Туманность», сопутствующая образу Арарата, сгенерировала легенды и мемы. Явление Арарата воспринимается русскими путешественниками как везение, как знак доверия. Арарат не открылся императору Николаю I [32]. Зато исследователь русской литературы, Ирина Сурат, приехав в Армению, видела его каждый день — «из арки Чаренца, да и вообще он был виден чуть не отовсюду, в последний раз — с летного поля аэропорта» [32, с. 202].

Вот и лирический герой стихотворения М. Матусовского «Арарат в тумане» попал в «зону недоверия» Арарата:

Я был в обиде на Арарат.
Вот уж неделя, как в Ереване я,
А он на меня неделю подряд
Не хочет совсем обращать внимания.

Быть может, устав от летней жары
Старик отказался принять приезжего,
Но это даже для древней горы,
Как хотите, не очень вежливо.

И вдруг, когда наступила пора
Обратно мне восвосяи двинуться,
Я повстречал его в шесть утра
Один на один, с высоты гостиницы.

Он вдруг явился передо мной,
Сразив меня не библейской святостью.
А всей своей сахарной белизной
И всею небесной голубоватостью.
<...>

Крутые тучи откинув прочь,
Он вдруг явился мне из затмения... [28, с. 99].

Упомянутая выше Арка Чаренца [32, с. 202] — это то благодатное место, которое было отмечено как идеальное, чтобы увидеть Арарат. Построенная в 1957 г., в разгар

«оттепели», когда стало известно о репрессиях и были возвращены многие имена, арка получила имя армянского поэта Егише Чаренца, скончавшегося в тюрьме [8]. На дуге арки последние строки из его стихотворения «Язык Армении моей, его звучанье я люблю!»: «Пройдя весь мир — в нем белых гор, красой Масису² равных нет! / Масис, как славы трудный путь в моем скитанье, я люблю» (пер. И. Поступальского; цит. по: [8, с. 46]).

С тех пор Арка Чаренца не раз упомянута в русской поэзии, например, А. Гитовичем:

Теперь гляди, прохожий, хорошенько —
Замедли шаг у каменных оград:
Здесь — лестница, и первая ступенька,
И вот — в проем — восходит Арарат [22, с. 68];

М. Матусовским:

Камни и травы успели с утра
Жарко прогреться,
И возникает вдали Арарат
В арке Чаренца.
<...>

Мир этот утренний кажется мне
Миром младенца.
Весь он сейчас уместился вполне
В арке Чаренца [29, с. 327].

Арарат рождает в поэтической речи схожую и одновременно индивидуальную метафорику, связанную с природным экфрасисом (природной скульптурой): у О. Мандельштама — «дорожный шатер Арарата» [27, т. 1, с. 165], у Ю. Веселовского — «Под шапкой белою великий Арарат» [31, с. 66], у В. Брюсова — «свой белый конус / Ты высишь, старый Арарат!» [19, с. 241], у Рюрика Ивнева — «Пред мраморной вершиной Арарата» [34, с. 52].

Постоянные эпитеты, сопровождающие образ Арарата: у М. Матусовского — «Белоснежной Арарата принаряжена невеста» [29, с. 317]; у Б. Чичибабина — «там беловенечный плывет Арарат» [33, с. 305]; у В. Брюсова — «Твой снег сияньем розоватым / На кручах каменных горит» [19, с. 241]; у В. Инбер — «у его подножья был так розов / Цветущий персик. Так цвели сады» [20, с. 56] наполняются новыми смыслами — у И. Лиснянской: «Все Арарат запомнил — и до сих пор / Розов от Ноевой крови заснеженный склон» [26, с. 141].

В фольклорной действительности присутствует феномен «приватизации» известной, ставшей мифологизированной личности или объекта, придания ему самых превосходных качеств (см.: [10]). Арарат также попал в эту обойму, на что обратил внимание литератор Александр Архангельский — воспроизведя речь армянского шофера:

Вон Арарат! Самая высокая гора в мире. Уловив недоверчивый взгляд, бросал на серпантине руль и вскидывал руки: думаешь, не знаю Джомолунгма? Знаю! Но Джомолунгма-Момолунгма где? Над уровнем мооооря! А здесь раз — и видно от начала до конца [17, с. 204].

² Масис — одно из названий горы Арарат.

Арабат — велик практически у любого поэта: у Ю. Веселовского — «великий Арабат» [31, с. 66]; у В. Инбер — «Увидели громаду Арабата» [20, с. 56]; у Б. Слуцкого — «...Арабат. / Он небо задел / Своими снегами» [34, с. 25]; у А. Гаспари — «Но он огромный, как его несли?» [21, с. 77]. У всех поэтов Арабат — умудренный и убеленный сединами старец, который на Востоке окружен уважением и почитанием: у В. Звягинцевой — «седой Арабат» [24, с. 22]; у Ю. Веселовского:

Но старец Арабат стоит, как в прежние годы,
И он напoмнит всем бывшие времена [31, с. 70].

Арабат выступает как космогонический паттерн (то, без чего непредставима земля армян), как мета пространства — у Г. Кубатьяна:

Эти клены, платаны
и вдали Арабат,
этот зной непрерывный,
как из адовых врат [25, с. 45–46].

Арабат антропоморфизирован: у Ю. Веселовского — «грустен и угрюм великий Арабат» [31, с. 296]; у М. Амелина — «Но нельзя, как запретный плод, / укуcить Арабата локоть», «Я и сам лишь мечтой лечу / к величавому — вот достать бы / да похлопать бы по плечу» [16, с. 201]; у И. Лиснянской — «Все Арабат запомнил», «Память у Арабата, как снег, свежа» [26, с. 141].

О памяти Арабата: он верный свидетель всех перипетий и трагедий, посланных армянской земле, армянскому народу — от библейских времен до современности:

Да, Арабат — и причал ковчегу весной,
И виноделу первому обелиск, —
Первую в мире лозу здесь вырастил Ной,
Первым отведал вино и напился вдрызг,
И посреди шагра в беспамятстве лег нагой.

И на заре, погруженный в глубокий сон,
Праведник пьяный предательски был оскоплен, —
Горе какое, какая боль и позор!
Все Арабат запомнил — и до сих пор
Розов от Ноевой крови заснеженный склон [26, с. 141].

Носитель исторической памяти, Арабат сам становится памятником — в восприятии поэта Б. Чичибабина:

Есть памятник горю в излюбленной Богом стране,
где зреют гранаты и кроткие овцы пасутся, —
он дорог народу и тем он дороже втройне,
что многих святынь не дано ни узреть, ни коснуться.

Во славу гордыне я сроду стихов не писал,
для вещего слова мучений своих маловато, —
но сердце-то знает о том, как горька небесам
земная разлука Армении и Арабата [33, с. 309].

Глядя на Арарат, поэт испытывает чувство сострадания к армянскому народу:

Я всем гонимым брат,
в душе моей нирвана,
когда на Арарат
смотрю из Еревана [33, с. 310].

Вернемся к ответам респондентов на вопрос: какие ассоциации вызывает у них Армения. Один из анкетированных ответил: «Арарат, во всех смыслах». Мы поняли так: гора и коньяк, или шире — в метатексте — та самая лоза, выращенная Ноем [1, с. 225]. В цепи образов – лоза и коньяк – последний можно считать синекдохой, сужающей образ Ноевой виноградной лозы. И этот «Арарат» тоже не миновали русские поэты.

А. Гитович:

А в Эривань поехать кто не рад?
Там, если не взойдем на Арарат,
То хоть сойдем в подвалы «Арарата» [23, с. 104];

М. Матусовский:

Недаром люди говорят,
Что взлезть на гору Арарат
Гораздо легче, чем уйти
Из складов «Арарата» [28, с. 98];

П. Антокольский:

Да, да. Во всем огромном мире
Я вспоминаю тебя одну, —
В свирепой каменной порфире
Сухую горную страну
<...>
Где продается в лавке винной
На вынос снежный Арарат [20, с. 53].

В рамках армянского текста русской поэзии обнаружены своеобразные дебаты — экзистенциального характера. На гиперболизированный порыв Е. Евтушенко — перенести наконец Арарат в Армению:

И верю я — настанет день, когда
Границ не будет — только арки радуг,
Исчезнут в мире злоба и вражда
И я прижмусь щекою к Арарату.
А если нет — лишь бы хватило сил! —
Пусть надорвусь, пусть мой хребет дробится, —
Я Арарат на плечи бы взвалил
И перенес его через границу... [20, с. 97] —

современный поэт А. Гаспари отвечает — не без укора:

Мне Арарат — и он уже не мил.
Переметнулся к нашему врагу.
<...>

Ах он не сам, его уволокли?
Но он огромный, как его несли?
Поверить не могу...
И так и не вернули, нет?
Но клялся вроде старший брат
Взвалить на плечи Арарат?
И не сдержал обет... [21, с. 77–78].

Выводы

Во-первых, Арарат в русском сознании выступает самым частотным ассоциативным образом, сопряженным с лексемой Армения.

Во-вторых, проделанная нами аналитика по поиску смыслов, вложенных в образ *Арарат* русскими поэтами, свидетельствует, что *Арарат* — исторически сложившийся паттерн армянского текста в русскоязычном метатексте культуры. Все грани этого паттерна вписываются в вероятностную модель бессознательного, поиску и фиксации которой посвящены работы В. Налимова и Ж. Дрогалиной: «общность символики, в которой отражаются семантические поля, глубокая их архаичность, инвариантность к проявлению культуры настоящего — все это позволяет утверждать, что семантические поля, выступающие перед нами в их персонифицирующем проявлении, связанном с каждым человеком в отдельности, оказываются сопричастными и человечеству в целом. Углубляя эту мысль, можно прийти к представлению о реальном существовании семантической вселенной» [6, с. 117–118].

Опираясь на понятие метафоры-сознания и междисциплинарную метаморфную модель Зальтмана (ZMET), «техника которой основана на извлечении из бессознательного метафорических образов, оказывающих влияние на семантическое осмысление входящей информации» [3, с. 8], Г. Т. Гарипова считает, что «в художественном тексте данный метод позволяет на рецептивный уровень вывести скрытые значения онтологических мифокодов, определяющих психологический и ментальный генезис экзистенциального сознания писателя и его героев» [там же]. Таким образом, метафора-сознание «Арарат» является не только паттерном армянского текста, но и его онтологическим мифокодом, проявляющим семантическую вселенную двух литератур сразу.

В-третьих, мы предложили алгоритм работы только с одним паттерном армянского текста, однако вся информация, полученная нами в ходе опроса респондентов, может стать поводом для исследования других граней и паттернов армянского текста.

Список литературы

Исследования

- 1 Аверинцев С. С. Ной // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 224–226.
- 2 Гарипова Г. Т. «Археология письма» или сложноорганизованный смысл метасознания Х. Исмаилова // Вопросы филологии. 2020. № 3 (71). С. 77–84.
- 3 Гарипова Г. Т. Семиогенезис мифа о «новой экзистенции» в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» // Вестник Российский университет дружбы народов. Серия: «Литературоведение. Журналистика». 2020. Т. 25. № 1. С. 7–16.
- 4 Давтян А. М. Юрий Веселовский и армянская литература. Ереван: Айстан, 1970. 298 с.
- 5 Ильин И. П. Метарассказ // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия / гл. науч. ред. Е. А. Цурганова. М.: Intrada, 2004. С. 251–253.

- 6 *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 6. С. 111–122.
- 7 *Налимов В. В., Кузнецов О. А., Дрогалина Ж. А.* Визуализация семантических полей вербального текста в групповой «медитации» // Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шеродия, Ф. В. Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 703–710.
- 8 *Салахян А.* Егише Чаренц: Критико-биографический очерк. М.: Сов. писатель, 1958. 179 с.
- 9 *Тер-Григорян-Демьянюк Н.* Загадочный Арарат. Библейские и лингвистические наблюдения. Буэнос-Айрес: Credo, 2004. 80 с.
- 10 *Шафранская Э. Ф.* Постколониальный синдром: современные мифологические нарративы о Путине в Средней Азии // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. ст. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 2013. С. 73–79.
- 11 *Шафранская Э. Ф.* Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № S6. С. 135–143.
- 12 *Шафранская Э. Ф.* Армянский текст: дети Иова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 511–520.
- 13 *Шафранская Э. Ф., Кешифидинов Ш. Р.* Буквы Маштоца — паттерн армянского текста // Вопросы филологии. 2022. № 4. С. 31–35.
- 14 *Шафранская Э. Ф., Кешифидинов Ш. Р.* Армянский транзит: художники как паттерн армянского текста в русской словесности // Поволжский педагогический поиск. 2023. № 2 (44). С. 123–134.
- 15 *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 133–151.

Источники

- 16 *Амелин М. А.* Ереванский триптих // Знамя. 2015. № 11. С. 199–201.
- 17 *Архангельский А.* Обращение в Армению // Знамя. 2015. № 11. С. 203–204.
- 18 *Битов А.* Уроки Армении // *Битов А.* Образ жизни: Повести. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 165–285.
- 19 *Брюсов В. Я.* Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского. М.: Худож. лит., 1973. Т. 2. Стихотворения. 1909–1917 / подгот. текстов и примеч. А. А. Козловского. 494 с.
- 20 Вечность. Русские поэты — Армении / сост. Г. Овнан. Ереван: Советакан грох, 1978. 198 с.
- 21 *Гаспари А.* Поездка в Армению // Литературная Армения. 2021. № 1. С. 73–79.
- 22 *Гитович А. И.* Зимние послания друзьям. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 163 с.
- 23 *Гитович А. И.* Стихотворения. Л.: Худож. литература, 1982. 200 с.
- 24 *Звягинцева В.К.* Моя Армения: Стихи, избранные переводы / сост. и авт. предисл. Л. Мкртчян. Ереван: Айпетрат, 1964. 166 с.
- 25 *Кубатьян Г.* Имя: Стихи. Ереван: Советакан грох, 1979. 80 с.
- 26 *Лиснянская И. Л.* Шкатулка: в которой стихи и проза. М.: Русский мир, 2006. 475 с.
- 27 *Мандельштам О. Э.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 638 с. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 464 с.

- 28 Матусовский М. Л. Это было недавно. Это было давно. М.: Худож. лит., 1970. 272 с.
- 29 Матусовский М. Л. Стихотворения. Песни. М.: Худож. лит., 1986. 405 с.
- 30 Опрос от 22 июля 2022 г. и ответы-комментарии // Facebook. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=pfbid0uP6r8R6htcpriYM5EKx4tiXEht8Vqu2U33VamAifsY1zZEz1hSy9RmpcCBfSwwfREl&id=100005672221929 (дата обращения: 22.07.2022).
- 31 Русские писатели об Армении: Сборник / сост. С. Арешян, Н. Туманян. Ереван: Арменгиз, 1946. 235 с.
- 32 Сурат И. Притяжение горой // Знамя. 2015. № 11. С. 202.
- 33 Чичибабин Б. А. И все-таки я был поэтом...: Борис Чичибабин в стихах и прозе. 3-е изд., испр. Харьков: Фолио, 2002. 462 с.
- 34 Это Армения. Стихи русских поэтов / ред., сост. и авт. предисл. Л.М. Мкртчян. Ереван: Айастан, 1967. 178 с.

***

© 2023. Eleonora F. Shafranskaya
Moscow, Smolensk, Russia

© 2023. Shevket R. Keshfidinov
Moscow, Smolensk, Russia

ARARAT AS THE MAIN PATTERN OF ARMENIAN TEXT IN RUSSIAN POETRY

Acknowledgements: The study is performed with support from the Russian Science Foundation, grant no. 22-18-00339, Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00339/>.

Abstract: The paper explores the current direction of modern literary criticism — local texts, in particular — the Armenian text in Russian poetry. The purpose of the presented study is to determine the range of associative images that arise in the mind of a modern person around the lexical token “Armenia”. The authors conducted a survey of respondents in one of the social networks. One hundred and ten responses (mostly representatives of the academic, intellectual environment, with a reader's background) became the basis for statistical analysis. The most common answer came to be the word “Ararat”. In the verbal culture Ararat has become an image and pattern of the Armenian text. The authors analyzed semantic and functional levels of this image basing on the poems by Russian poets of the 20–21 centuries (in alphabetical order): M. Amelin, P. Antokolsky, V. Bryusov, Y. Veselovsky, A. Gaspari, A. Gitovich, E. Yevtushenko, V. Zvyagintseva, R. Ivnev, V. Inber, G. Kubatyan, I. Lisnyanskaya, O. Mandelstam, M. Matusovsky, B. Slutsky and B. Chichebabin. In the present paper the works on fixing the semantic universe of experimental by researchers V. Nalimov and Zh. Drogalina became the basis for constructing methodological analytics, as well as G. Garipova's research on meta-consciousness reflected in the literary text. Research methods included generalization and systematization of the obtained data, quantitative method, mythopoetic method, philological analysis of the text. As a result, the authors of the article talk about the semantic field of the Armenian text, in which the Ararat acts

as the paramount pattern — in the individual and general cultural picture of the world. The material of the study may serve as an algorithm for working with other patterns of the Armenian text, information about which is present in the statistical calculations.

Keywords: Armenian Text in Russian Poetry, Ararat, Semantic Universe.

Information about the authors:

Eleonora F. Shafranskaya — DSc in Philology, Professor, Leading researcher at the Smolensk Center for Quantitative Philology, Smolensk State University, Smolensk, Russia; Professor of the Department of Philology, Moscow City University, Moscow, 2nd Selskohoziastvenny Line, building 4/1, 129226, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4462-5710>

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Shevket R. Keshfidinov — trainee researcher at the Smolensk Center for Quantitative Philology, Smolensk State University, Smolensk, Russia; graduate student of the Department of Philology, Moscow City University, Moscow, 2nd Selskohoziastvenny Line, building 4/1, 129226, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3293-3393>

E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

Received: August 17, 2022

Approved after reviewing: October 10, 2022

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Shafranskaya, E. F., Keshfidinov, Sh. R. “Ararat as the Main Pattern of the Armenian Text in Russian Poetry.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 176–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-176-188>

References

- 1 Averintsev, S. S. “Noi.” *Mify narodov mira: Entsiklopediia: v 2 t. [Myths of the Peoples of the world: Encyclopedia: in 2 Vols.]*, vol. 2, ed. by S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1992, pp. 224–226. (In Russ.)
- 2 Garipova, G. T. ““Archeologiiia pis'ma' ili slozhnoorganizovannyi smysl metasoznaniia Kh. Ismailova” [“Archeology of Writing' or the Complex Organized Meaning of Metacognition by Kh. Ismailov]. *Voprosy filologii*, no. 3(71), 2020, pp. 77–84. (In Russ.)
- 3 Garipova, G. T. “Semiogenezis mifa o ‘novoi ekzistentsii’ v romane L. Andreeva ‘Dnevnik Satany’” [Semiogenesis of the Myth of the “New Existence” in L. Andreev's Novel “The Diary of Satan”]. *Vestnik Rossiiskii universitet druzhby narodov*, Seria: Literaturovedenie. Zhurnalistika, vol. 25. no. 1, 2020, pp. 7–16. (In Russ.)
- 4 Daytian, A. M. *Iurii Veselovskii i armianskaia literature [Yuri Veselovsky and Armenian Literature]*. Erevan, Aistan Publ., 1970. 298 p. (In Russ.)
- 5 Il'in, I. P. “Metarasskaz” [“Metastory”]. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Entsiklopediia [Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia]*, ed. by E. A. Tsurganova. Moscow, Intrada Publ., 2004, pp. 251–253. (In Russ.)
- 6 Nalimov, V. V., Drogalina, Zh. A. “Veroiatnostnaia model' bessoznatel'nogo. Bessoznatel'noe kak proiavlenie semanticheskoi vselennoi” [“Probabilistic Model of the Unconscious. Unconscious as a Manifestation of the Semantic Universe”]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 5, no. 6, 1984, pp. 111–122. (In Russ.)
- 7 Nalimov, V. V., Kuznetsov, O. A., Drogalina, Zh. A. “Vizualizatsiia semanticheskikh polei verbal'nogo teksta v gruppovoi ‘meditatsii’” [“Visualization of Semantic

- Fields of Verbal Text in Group ‘Meditation’]. *Bessoznatel'noe. Priroda. Funktsii. Metody issledovaniia [Unconscious. Nature. Functions. Research Methods]*, ed. by A. S. Prangishvili, A. E. Sherodiia, F. V. Bassina. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1978, pp. 703–710. (In Russ.)
- 8 Salakhian, A. *Egishe Charents: Kritiko-biograficheskii ocherk [Yeghishe Charenz: A Critical-Biographical Essay]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1958. 179 p. (In Russ.)
- 9 Ter-Grigorian-Dem'ianiuk, N. *Zagadochnyi Ararat. Bibleiskie i lingvisticheskie nabliudeniiia [Enigmatic Ararat. Biblical and Linguistic Observations]*. Buenos Aires, Credo, 2004. 80 p. (In Russ.)
- 10 Shafranskaya, E. F. Postkolonial'nyi sindrom: sovremennye mifologicheskie narrativy o Putine v Srednei Azii [Postcolonial Syndrome: Modern Mythological Narratives about Putin in Central Asia]. *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve: sbornik statei. [Mythological Models and Ritual Behavior in the Soviet and Post-Soviet Space: Collected Works]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 73–79. (In Russ.)
- 11 Shafranskaya, E. F. “Armianskii tekst: stikhi i proza” [“Armenian Text: Poems and Prose”]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. S6, 2022, pp. 135–143. (In Russ.)
- 12 Shafranskaya, E. F. “Armianskii tekst: deti Iova” [“Armenian Text: The Children of Job”]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, no. 3, 2022, pp. 511–520. (In Russ.)
- 13 Shafranskaya, E. F., Keshfidinov, Sh. R. “Bukvy Mashtotsa — pattern armianskogo teksta” [“Mashtots Letters are a Pattern of the Armenian Text”]. *Voprosy filologii*, no. 4, 2022, pp. 31–35. (In Russ.)
- 14 Shafranskaya, E. F., Keshfidinov, Sh. R. “Armianskii tranzit: khudozhniki kak pattern armianskogo teksta v russkoi slovesnosti” [“Armenian Transit: Artists as a Pattern of Armenian Text in Russian Literature”]. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk*, no. 2(44), 2023, pp. 123–134. (In Russ.)
- 15 Iung, K. G. “Ob arkhetypakh kollektivnogo bessoznatel'nogo” [“About the Archetypes of the Collective Unconscious”]. *Voprosy filosofii*, no. 1. 1988, pp. 133–151. (In Russ.)